

А. В. Маштафаров*

Воспоминания И. М. Картавцевой об архиепископе священномученике Петре (Звереве)¹

Публикуемые воспоминания принадлежат перу Ирины Михайловны Картавцевой (2 августа 1898 г. – 5 августа 1983 г.). С 1908 по 1918 г. она обучалась в Белевской женской гимназии Тульской губернии, в 1917 г. стала учительницей Белевского женского приходского училища, где преподавала до ноября 1921 г., в 1922 г. переехала в Москву. Картавцева происходила из старинного небогатого дворянского рода, наиболее ранние представители которого упоминаются в документах среди служилых землевладельцев Белевского уезда с конца XVI в. Начало ее гимназической жизни совпало с прибытием в город и назначением настоятелем белевского Спасо-Преображенского монастыря иеромонаха Петра (Зверева), вскоре возведенного в сан архимандрита. В 1910–1913 гг. о. Петр духовно окормлял сестер Ирину и Веру Картавцевых. Девушки любили богослужение, пели в церковном хоре. И. М. Картавцева в других, еще не опубликованных дневниках пишет: «С 14 лет мы начали уже постоянно петь с одной близкой нам девочкой Олей трио в церкви... Сколько светлых радостных воспоминаний связано с этим пением. Разучивала все с нами, конечно, мать, а на окончательную отделку посылала нас к знакомому преподавателю епарх[иального] училища Вас[илию] Николаевичу Б(лаговещенскому)». После переезда в Москву И. М. Картавцева не только пела, но и регентовала в хорах московских церквей, прежде всего, в храме Кира и Иоанна на Солянке. Этот храм стал в 1927 г. одним из центров «катакомбного» движения, последователи которого отказывались считать Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) главой Церкви; членом «катакомбной церкви» была и И. М. Картавцева. В Москве она изредка встречалась с владыкой Петром вплоть до его ссылки в Соловецкий лагерь.

* © Маштафаров А. В., 2008

Александр Викторович Маштафаров, специалист Российского государственного архива древних актов.

Публикуемые материалы самим автором разбиты на 2 части. Беззаботные и счастливые детские годы в дореволюционном Белеве контрастируют в них с разрухой, надвигавшейся с 1916 г., трагической гибелью младшей сестры в 1920 г., гонениями со стороны советской власти, ссылкой на Соловки владыки Петра и его мученической кончиной. Обе части воспоминаний имеют отдельную пагинацию и были, очевидно, написаны не сразу, а в течение 1972–1973 гг. Текст не был окончательно отредактирован и представляет собой черновой вариант с многочисленными стилистическими поправками, которые воспроизводятся в примечаниях. В тексте исправлены очевидные описки автора. Воспоминания написаны на страницах обычных для 1970-х гг. ученических тетрадей и находятся среди других документов семейного архива Картавцевых, хранящегося у составителя данной публикации.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Петр (Зверев; 18 февраля 1876 г.— 25 января 1929 г.), смчч., архиепископ. В 1899 г. после окончания 2 курсов на историко-филологическом факультете Московского университета поступил в Казанскую Духовную академию, во время обучения в которой в 1900 г. он принял монашеский постриг, в том же году был рукоположен во диакона, затем во иерея. 3 июня 1909 г. назначен настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Белеве Тульской губернии, в следующем году возведен в сан архимандрита. Монастырь находился недалеко от Оптиной пустыни, со старцами которой о. Петр поддерживал духовную связь, почитал дивеевскую блаженную Прасковью Ивановну (Пашу Саровскую; † 1915 г.), любившую будущего архиерея-священномученика. В 1917 г. архимандрит Петр был переведен настоятелем в тверской Троице-Желтиков монастырь, в 1918 г. арестован как заложник, вскоре освобожден. 15 февраля 1919 г. в Москве он был хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, переехал в Нижний Новгород, жил в Печерском Вознесенском монастыре. В мае 1921 г. он был арестован, помещен в московскую Бутырскую, затем в Таганскую тюрьму, затем переведен в Петроград, в апреле 1922 г. освобожден и назначен епископом Старицким, викарием Тверской епархии. Активно противодействовал распространению в Тверской епархии обновленчества, что стало причиной ареста архиерея в ноябре 1922 г., в 1923 г. приговорен к ссылке, которую отбывал в поселке Перовск (ныне г. Кзыл-Орда, Казахстан), освобожден в конце 1924 г. После возвращения в Россию епископ Петр в 1924 г. был назначен временно управляющим Московской епархией, в середине 1925 г. направлен в Воронеж, в январе 1926 г. назначен правящим Воронежским архиереем с возведением в сан архиепископа. В ноябре 1926 г. архиерей был вновь арестован, находился в заключении в московских тюрьмах, в 1927 г. отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, в октябре следующего года переведен в отделение лагеря на Анзерском острове, где скончался от тифа. 9 июня 1999 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил провести работы по определению места захоронения и обретению мощей смчч. Петра. После продолжавшихся в течение трех дней работ 17 июня 1999 г. мощи были обретены и ныне находятся в Спасо-Преображенском Соловецком ставропигиальном мужском монастыре. Архиерейский Собор Русской Церкви 13–20 августа 2000 г. причислил архиепископа Петра к лику святых (см. подробное жизнеописание архиепископа Петра: *Дамаскин (Орловский), игум.* Житие священномученика Петра (Зверева; 1878–1929), архиепископа Воронежского. Тверь, 2001).

Архиепископ Петр и семья Картавцовых

I

(С. 1) Троицын день 28/V. [19]72.

После приезда владыки¹ в Белев летом в 1909 году^а, в ту же осень в августе или начале сентября начальница епархиального (духовного) училища² водила свой выпускной класс к обедне в монастырь³, а потом все пили чай у о. Петра в саду. Наша начальница гимназии Елена Ипполитовна Малыгина захотела поступить так же и договорившись⁶ с о. П[етром], повела свой выпускной^в класс. Это было, кажется, на Воздвижение 14 сентября. Е. И. была наша хорошая знакомая и, кроме того, учила меня с сестрой музыке (игре на ф[орте]п[иано]), она решила прихватить меня и Верочку⁴. Я, как гимназистка, была в форменном платье, а Верочка еще не училась, и на ней было белое платьице с крахмальным воротничком и большим красным бантом посреди.

Погода была теплая, в саду (С. 2) около беседки был поставлен длинный стол. Мы с сестрой вдвоем сидели в конце стола, по бокам гимназистки, а с другого конца^г стола сидела Е. И. и о. Петр. Он сразу же нас заметил и обратился к Е. И. с вопросом: «А кто это там с красным бантиком?». Е. И. ответила, что мы дети городского судьи, после чего строгим голосом произнесла: «Ирина, встань! Вера, встань!». Мы встали, и о. Петр нас рассматривал. Это было официальное наше с ним знакомство. А сейчас я думаю... впереди Верочку ожидала мученическая смерть, и так она и предстала впервые перед о. Петром, как будто отмеченная красным... бантиком. Мы знаем, что он плакал об В[ере], получив известие об ее смерти, и^д сам окончил жизнь

^{а а} Текст вписан над строкой.

^б Исправлено из: договорилась.

^в Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого в строке: старший.

^г Слово вписан над строкой.

^д Буква вписана над строкой.

мучеником-исповедником. Вспоминая теперь свою беззаботную (С. 3) легкомысленную жизнь того времени, я вижу, сколько было тогда^а доброты и любви его к нам.

В начале зимы познакомились с батюшкой наши родители. Но еще раньше, до этого, отец⁵ встретился с о. Петром во время визита у новой начальницы гимназии генеральши Н. П. Шишковой⁶. Отец приехал и, улыбаясь, нам рассказывал: «О. Петр-то! Сейчас же про вас спросил: “А как мои богомолочки?”». Наверное, под этим именем мы у него так мысленно и числились, потому что, когда он подарил нам обеим книгу «Жития святых», надпись на ней была: «Милым и добрым моим богомолочкам И. и В. К-м на добрую память от отца Петра». Еще до этого он всем нам подарил по книге. У меня было «Училище благочестия»⁷. Надпись на ней была: «Милой Ир. от о. Петра с пожеланием ей блестяще окончить курс в учи (С. 4) лице благочестия». Брату⁸ он подарил «По завету Христову» свящ[енника] Миртова⁹ с надписью: «Дорогому Илюше от о. Петра с пожеланием ему никогда в жизни не забывать заветов Христа Спасителя, потому что только в них заключается полнота жизни, счастье и вечное спасенье». Обе эти книги целы и сейчас. Верочкина книга не сохранилась — зачитали добрые люди. Книга была интересная «Чудеса Божии в наши дни»¹⁰. Батюшка также выписал нам с сестрой⁶ еженедельный журнал «Троицкое слово»¹¹, и мы с гордостью получали собственную почту. Журнал этот представляет интерес и для взрослых, особенно сейчас. Там имеется отдел, в котором отражалась церковная жизнь. Вел этот отдел известный епископ Вологодский Никон, расстрелянный в начале революции¹².

(С. 5) В Церковь мы всегда ходили с сестрой вместе, держась за ручку. Один раз по какому-то делу мать¹³ послала нас^в к о. Петру, передать письмо. Дело было летом, помню, на нас были голубые платица, рукава фонариками. Вошли мы в его довольно длинный зал и видим, что он стоит в конце с широко распростертыми руками. Когда мы подошли, он со словами: «Голубушки вы мои» сразу захватил нас обеих в свои объятия, прижал к себе и так и разговаривал. На Троицын день кто-то преподнес б[атюшке] роскошный букет цветов, и громадный вдобавок. Там были и розы, и лилии, и чего только там не было. Цветы были из какой-то усадьбы. Когда мы с сестрой подошли под благословение, он отдал букет нам. Мы, конечно, были очень рады, (С. 6) и букет этот долго у нас стоял.

Мне в то время часто попадало от матери за мою привычку спорить. Однажды, когда б[атюшка] был у нас, она сказала ему: «Проберите Вы Ир[ину] как следует, она такой ерш». Он быстро обернулся ко мне, разгладил у меня волосы на голове по обе стороны и говорит: «У нее и так пробор хороший». В другой раз, когда мать обратилась к нему с такой же просьбой насчет меня, он прямо сказал маме: «Никогда ничего мне про нее не говорите, я всегдаш-

^а Ошибочный повтор слова в строке зачеркнут.

⁶ Над строкой вписано: мне с сестрой.

^в Слово написано дважды.

ний ее заступник и защитник». Теперь после всего пережитого, когда никого нет из моей дорогой семьи, а осталась я одна и близок час и моей кончины, так хотелось бы, чтобы вл[адыка] действительно^а был бы мне заступником в ином мире.

(С. 7) Незадолго до войны 1941 г. уже в Москве нас посетила одна из белевских знакомых, жившая там в те времена. Мы с Марией Михайловной долго вспоминали старину и, конечно, покойного владыку. Вдруг она сказала: «А любил он Вас. Я помню, как однажды мы шли с ним в крестном ходу, я была рядом. Вдруг он говорит: “Я смотрю, все ищущую свою маленькую любашку Ир. К-ову”. Потом добавил: “Она, как пчелка, все собирает”».

Однажды приехал в город Тульский архиерей¹⁴. Мы все были за его службой у обедни. Когда епископ начал благословлять народ и мы с Верочкой подходили, наш батюшка быстро подошел к владыке и сказал ему, что эти девочки — дети нашего городского судьи, усердно посещают церковную службу и очень хорошо поют. Мы уже отошли было, но тут протоиерей вернул меня и, почти схватив (С. 8) в охапку, поставил меня перед архиереем. С какими-то ласковыми словами тот наградил нас громадной просфорой в маленькую тарелку величиной (тогда пекли такие). Я была сконфужена, перепугалась ужасно. Наблюдавший издали эту сцену братец после в лицах передавал все подробно и живописал, какой я имела вид^б.

Как-то раз мать наша была у о. Петра и, вернувшись растроганная, рассказывала, что был разговор о нас. «Вот у Вас теперь три деревца растут,— сказал он,— и надо заботиться, наблюдать за ними, чтобы не пошли бы куда-нибудь вкось, а росли бы прямо». Сама мать в то время была мало религиозна. Конечно, крещена, как и все в то время, но мало имела^в представления о настоящем православии. Она с нами вместе с горячностью предалась церковной жизни. Только разница (С. 9) была та, что мы подошли с детской простотой, а она с целым грузом всяких недоразумений, сомнений и предрассудков. Она отличалась редкой прямоотой характера и как-то сказала б[атюшке]: «Я бы не стала у Вас исповедоваться». На что он ответил: «А я тоже не стал бы Вас исповедовать». Он называл ее «прямолинейной»^г...

Первые два года жизни о. П[етра] в Белеве он часто бывал у нас. Знакомых у него в городе тогда никого не было, и наша семья стала ему сразу близкой. Он сам говорил, что попал к нам в первый раз, как будто уже во второй. Большею частью он бывал у нас вечером и оставался ужинать. Был очень прост, и никакого ханжества в нем не было. У него тогда уже были больные почки, и всегда покупался для него боржом, который он и пил каждый раз. В первый год дружба была (С. 10) с ним необыкновенная. Он часто присылал с своим келейником монастырский квас и чудесное сливочное масло,

^а Слово вписано над строкой.

^б В рукописи на левом поле страницы рисунок печатки с изображением ключа внутри тернового венца.

^в Слово вписано над строкой.

^г Далее помета: (вписать продолжение и об отце).

которое приносили ему некоторые почитатели-помещики. Родители шутили, что мы на монастырском иждивении. За столом всегда велись интересные разговоры. Я внимательно слушала и хотя не все понимала, но остались в памяти разговоры о смерти Толстого¹⁵, об Илиодоре¹⁶, о постройке буддийского капища в Петербурге¹⁷. Илья Мих[айлович] рано начал интересоваться историей, писал историю Белева и по поводу этого иногда разговаривал с б[атюшкой]. Конечно, мы не все время сидели с взрослыми, особенно когда были гости, но всегда караулили отъезд батюшки и вовремя прибегали, чтобы проститься и подойти под благословение.

У нас часто зимой гостил дедушка (С. 11) Константин Михайлович Сомов¹⁸ из рода тех же Сомовых, «сердцем простодушных». Это был совершенно очаровательный человек, которого любили все поголовно. Любили все родные, знакомые^а, извозчики, прислуга и даже прислуга^б наших знакомых. Батюшка тоже очень любил «дедусю», как мы его называли, и сам хоронил его в 1911 г., о чем я скажу в свое время. «Дедуся», в свою очередь, как-то особенно нежно любил батюшку. Гостили у нас часто^в в то время тетушки Сомовы, дочери Конст[антина] Мих[айловича], монахини^г. Старшая — Елена Константиновна, в мон[ашестве] София, и младшая — Ольга Конст[антиновна], в монашестве Тихона. Их батюшка тоже любил. Ольга Конст[антиновна] была из Шамордина монастыря (близ Оптиной пустыни)¹⁹. Она была завед[ующей] иконописной мастерской. Батюшка через нее делал разные заказы в Шамордине и очень любил эту обитель. Из знакомых завсегдагаев бывал Александр^д Ильич Михайловский — генерал в отставке. Он был неверующий, но очень любил отца Петра, всегда подходил под благо (С. 12) словение, и они целовались. Он был большой монархист, и они с б[атюшкой] любили по этому поводу поговорить. Бывал также часто хозяин дома, в котором мы жили, врач Станислав Ильич Раковский²⁰. Он был поляк и католик, но, несмотря на это, очень уважал батюшку, и тот иногда лечился у него^е.

В первую же весну у нас при квартире был небольшой садик, и помню, как однажды после довольно долгого разговора^з «на астрономические темы» все вышли с б[атюшкой] в сад и смотрели звезды. Б[атюшка] был силен в математике и что-то объяснял. Этим же летом, вероятно в^к «конце мая», мы

^а Далее зачеркнуто: прис.

^б Далее зачеркнуто: знако.

^в Слово вписано над строкой.

^г Текст вписан над строкой.

^д В рукописи ошибочно: Александра.

^е Далее в строке обведено кругом: Обед у Б.

^{ж ж} Текст вписан над строкой.

^з В строке зачеркнуто: об астрономии.

^{и и} Текст вписан над строкой.

^к Далее зачеркнуто: в июне.

^{л л} Текст вписан над строкой.

ездили с ним^а в лес^б. Чудесная была поездка. Когда он^в был у нас, обсуждали все подробности этой поездки. Большое участие на этот раз в обсуждении принимал отец^г. «Орешков надо взять и конфеточек»,— говорил он. «И конфеточек возьмем»^д,— добродушно поддакивал батюшка. Были взяты и бутылки с фруктовой водицей, и, вероятно, пирожки какие-нибудь, потому что Сережа явился с какой-то корзиночкой, покрытой салфеткой. (С. 13) В назначенный день и час к крыльцу нашего дома подъехал^е *о. Петр^ж в своей коляске и извозчик для нас. Отец сел с^з батюшкой, а мы^и *в свой экипаж^к, и Сережа, должно быть, был с нами. Поехали мы к ст. Веженка²¹ за 8 верст, где был прекрасный^л лес. По приезде^м сговорились со сторожем. Он должен был^н к известному времени поставить самовар и^о дать посуду^п. Мы^р все с бат[юшкой]^р отправились гулять. Все цвело, красота была прямо райская, как на картинах худ[ожника] Нестерова. Мы повисли на Сереже и занялись сбором душистых белых фиалок, которых было множество. Нагулявшись, мы вернулись к нашему месту, где уже стоял стол, накрытый какою-то скатерткой^с, и кипел самовар. Усевшись на^т скамейках, мы занялись чаепитием. Разговоров, конечно, я не помню, но угощению была оказана честь: пили и водичку, и «конфеточки» (С. 14) ели, и орешки щелкали. Запомнилось мне одно происшествие. К домику сторожа, который был невдалеке, подошли коровы^у. У^ф одной из коров на спине было какое-то большое прямоугольное белое пятно, как будто полотенце висит. Отец с батюшкой с оживлением начали обсуждать, что это: «природа», или же действительно какое-то белье висит? Сережа решил, что надо выяснить, поднялся с места. За ним поскакали и мы и, дойдя до коров, увидели, что это просто шерсть, *такое отросшее^х правильно пятно^ч. Вернувшись обратно, Сережа торжественно доложил: «Природа».

^а В строке далее зачеркнуто: за 8 километр, на ст. Веженку.

^{б б} Текст вписан над строкой.

^в В строке далее зачеркнуто: уезжал.

^г Далее зачеркнуто: Конфет.

^д Текст вписан над строкой.

^е В строке далее зачеркнуто: батюшка.

^{ж ж} Текст вписан над строкой.

^з Далее зачеркнуто: о. Петром.

^и Далее зачеркнуто: на извозчике.

^{к к} Текст вписан над строкой.

^л Слово вписано над строкой, в строке зачеркнуто: чудесный.

^м Далее зачеркнуто: в лес.

^н Далее зачеркнуто: по.

^о Буква вписана над строкой.

^п Далее зачеркнуто: поставить стол и проч.

^{р р} Текст вписан над строкой.

^с Далее зачеркнуто: скамейки таб.

^т Далее зачеркнуто: каких-то.

^у Далее в строке зачеркнуто: на.

^ф Буква вписана над строкой.

^{х х} Текст вписан над строкой.

^ч Далее зачеркнуто: три.

Время стало уже клониться к вечеру, и^а вскоре^б мы поехали домой^б, уже при- тихшие и немного усталые. Около крыльца^в дома б[атюшка] высадил нашего отца, а сам на улице не стал благословлять, а протянул нам руку и пожал каж- дой из нас. Мы же отвесили ему реверанс^г, как тогда полагалось. (Сейчас, в 1973 г., это кажется мне оч[ень] смешно.)

II

(С. 1) В ноябре 1916 г.^а батюшка^в уехал из Белева²². Перед этим бывший епископ Тульский Евдоким^{ж23}, находившийся в то время в Америке в каче- стве епископа Алеутского и Северо-Американского (так, кажется), хотел взять к себе отца Петра. Была по этому поводу переписка, но о. П[етра] не любили в Синоде, и назначение его^з в епископы^з всячески задерживали. Очень горе- вали мы все перед отъездом батюшки. Ходили в Жабынский монастырь к мощам преподобного Макария²⁴, молились там. Поднесли ему золотые со- суды, на которых была выгравирована трогательная надпись: «Не о всем мире молло, но о тех, ихже дал еси Мне» (Иоанна, гл. 17, ст. 11).

В общем, отъезд батюшки из Белева был бесславен. Ему предложили «сдать дела» и монастырь, и он уехал в Москву. Там произошла революция, и назна (С. 2) чения ему все не давали. Наконец, примерно на Пасхе 1917 года, он был назначен^и в Штаб особой армии проповедником особой армии в веде- ние протопресвитера Шавельского²⁵. Назначение было довольно почетное, но общая обстановка была уже такая, что трудно было что-нибудь понять. Был он на фронте, был в прифронтовой полосе, адрес его был тогда п/о Домбро- вица Волынской губернии²⁶. Мы тогда обменялись с ним несколькими пись- мами, а в июле он даже приезжал на неделю в Белев и читал свои записки. В августе [19]17 года он писал нам^к, как служил литургию для солдат на от- крытом воздухе.

Потом уже начался развал. Помню одно его письмо в октябре или нояб- ре^а, (С. 3) в котором он писал, что «и у нас всюду продвигаются большевики, захватывая города и местечки». Дальше я подробно не знаю, как происходило дело. Очевидно, его отпустили, и он жил некоторое время в Москве, а потом весной был назначен настоятелем в Желтиков монастырь близ Твери²⁷. Тут возобновилась у нас с ним переписка, а в августе 1918 г. мы с матерью были

^а Далее зачеркнуто: руку.

^{б б} Текст вписан над строкой.

^в Слово вписано над строкой.

^г В конце слова зачеркнуто: ы.

^д Далее зачеркнуто: владыка.

^е Слово вписано над строкой.

^ж Слово подчеркнуто. На поле напротив пояснение: впоследствии обновленческий митрополит.

^{з з} Текст вписан над строкой.

^и Далее зачеркнуто: проповедником.

^к Слово вписано над строкой.

^л Далее на с. 2–3 зачеркнуто: в котором он писал [«писал» вписано над строкой вместо «рас- сказывал»], как служил литургию для солдат на [«на» вписано над строкой вместо «под»] открытом воздухе. Потом уже начали развал. Помню одно его письмо в ноябре.

у батюшки в Твери. Поездка туда было нечто «феерическое». Заплеванная, заваленная семечками, грязная Москва, передвижение с вокзала на вокзал пешком, и все в этом роде. В столовой на каком-то вокзале подали винегрет, месиво какое-то без масла, с одним уксусом. Когда мы попросили ножик и вилку, с нас потребовали 40 р[ублей] залогом. Мы гордо отказались (С. 4) и ели большими круглыми деревянными ложками. Пробыли мы в Желтиковом монастыре пять дней. Свиданье было очень трогательное, но грустное чрезвычайно. Уже начинался голод. Мы питались у^а батюшки^б, и помню эти крошечные кусочки хлеба, картофельные оладьи и тому подобное. Кто-то принес ему немного малины (была уже половина августа по ст. ст.), и он отдал ее мне, чтобы я ее съела одна. Не помню, как было дело, но думаю, что все же одна я ее не стала есть. Между прочим он сказал, что все ему здесь как-то чуждо. Да и неудивительно, потому что в сентябре он уже был под домашним арестом, а потом и в тюрьме. Батюшка был очень добр и ласков с нами. Когда мы уезжали, он даже спустился по лестнице со второго этажа и стоял на крыльце, пока мы не (С. 5) отошли. Обычно духовные особы так не провожают, но он, видимо, хотел в последний раз оказать нам гостеприимство...

Как сейчас думаю, в тюрьме он уже испортил свое здоровье, потому что его посылали носить воду из-под горы наверх, а у него уже в Белеве были больные почки. Точно не знаю, сколько он пробыл в тюрьме, но в феврале 1919 г. он был назначен в Нижний Новгород «епископом Балахнинским». Предполагалось, что я поеду в Москву на посвящение, но езда была тогда прямо отчаянная, и моя спутница не решилась брать меня с собой из-за моего слабого здоровья, да я и работала уже в то время. Посвящали батюшку, кажется, в храме Христа Спасителя, и при наречении во епископы он сказал прекрасное слово о призвании апостолов на Генисаретское озеро²⁸.

(С. 6) Недолго пробыл владыка в Нижнем. Его арестовали и отвезли в Ленинград²⁹, где он сидел на Шпалерной. Это был [19]20-й — [19]21-й гг. В конце [19]21-го г. его выпустили, и он был назначен опять в Тверь — епископом Старицким совсем на короткий срок. В [19]22-м году его вновь арестовали и отправили в ссылку^г в Перовск^г на 3 года. В 1925 г. он возвратился. Во время пребывания владыки в Нижнем у нас случилось в семье большое горе: были убиты сестра наша Вера, сестра нашей матери и крестная Ильи Михайловича Зинаида Сергеевна Правикова, ее второй муж и приемный сын Зин[аиды] Серг[еевны] 15-летний мальчик Николай³⁰. По этому поводу у нас с владыкой была большая переписка, несколько писем уцелело. Владыка проявил необыкновенную (С. 7) любовь к нашей семье, и по письмам можно видеть, как ему самому трудно жилось и какие у него были взгляды.

О времени пребывания его в Перовске я не имею сведений, одно несомненно, что он там очень страдал от жары. Написала я ему одно подробное

^а Далее зачеркнуто: него.

^б Слово вписано над строкой.

^{в в} Текст подчеркнут, справа на поле пояснение: Сергей митр.

^{г г} Текст подчеркнут.

письмо о нашей жизни вообще и о церковной. Он в ответ прислал прекрасное письмо, к сожалению, оно уничтожено. Он знал, что я интересуюсь церковными делами и многие из ему известных лиц в Белеве работают против обновленцев. В письме были такие слова: «Твердо помни, что обновленческое движение 1) явление раскольническое, потому что отошло от единой истинной православной Церкви, 2) антихристианское, потому что нашло возможным молиться за (С. 8) еретика и врага Христова Толстого, и 3) просто безбожное, потому что, принятое под покровительство партии, гонит всех верующих. И способ борьбы у них жестокий, насильнический. Несогласных с ними они арестовывают, выселяют и проч.». Потом была такая фраза: «Теперьшние христиане, христиане последнего времени, ^абудут малочисленны, но по силе духа и веры будут приравнены к христианам первых веков»^а. Спрашивал у меня адрес последнего оптинского старца о. Нектария³¹, который к тому времени был выслан из^б Оптиной в с. Холмищи³². Еще спрашивал он об нашей тетушке Сомовой, монахине Шамордина монастыря, интересовался ее адресом и пошутил даже (С. 9) по этому поводу: «Забыл, как теперь называется-то: “без-хоз” или “со-бес”» (а монастырь тогда просто переименовали в совхоз). Там подпись была: «Твой искренний богомолец епископ Петр». Эта подпись только и уцелела от всего письма.

В 1925 г. окончился срок высылки вл[адыки] Петра, и он приехал в Москву и жил в квартире своего брата³³ на Новой Басманной. В мае месяце приехала в Москву и я. Семь лет, с [19]16-го, даже 9 лет мы не виделись. Я уже за это время отвыкла от него. И революция, и смерть сестры, много чего произошло за это время. Уже большое место в моей душе было заполнено Оптиной пустыней. Я была уже регентша. С дачи, где^в у нас была квартира, я привезла владыке букет лесных цветов. Принял он меня очень радушно, умилялся, что я стала «совсем взрослая». Оставил у себя обедать. После я еще несколько раз у него была, но жизнь была трудная, мне надо было устраиваться на работу, а в семье брата ожидался уже второй ребенок. Каждый раз, когда я приезжала, владыка улыбался и с каким-то детским видом спрашивал: «Ну как, у Вас еще никого не родилось?». Когда наконец родилась вторая дочка³⁴, он дал мне ей в благословение иконочку Божией Матери «Взыскание погибших», точно предчувствовал, что с ними будет.

Несколько раз я была за его службами: в церкви Георгия на Дмитровке, у Петра и Павла у Яузских ворот, в Ивановском монастыре, в Донском монастыре. Это все приглашали его служить. Поминали его епископом Старицким, и был он (С. 11) в это время ^г«управляющим Московской епархией»^г. Был он какой-то озабоченный и грустный. Интересный случай произошел на Петра и Павла (в день его ангела), когда он служил литургию. Он вошел в храм в голубой рясе, до чего же красиво было! Архиереи ведь могли носить

^{а а} Текст подчеркнут.

^б Исправлено из: в.

^в Далее зачеркнуто: мы.

^{г г} Текст подчеркнут.

кроме черных ряс и цветные. Потом облачали его посредине храма. Это^а долгая процедура, и столько церковнослужителей в этом участвуют, и все молодые. И вот, когда надо было владыке подавать сосуд для умывания рук, вдруг перед ним очутился седовласый старец. С белоснежным полотенцем на плечах, с серебряным тазом с водой в руках стал перед ним Николай Павлович Андросов, большой почитатель владыки (С. 12) Петра из Белева. С полными слез глазами стоял он перед своим любимым владыкой и, не отрываясь, смотрел на него. «Сам старичок был очень красив и напоминал апостола Петра^б. Я очень была тронута этим зрелищем.

В этот период летом же я привезла ему свое как бы стихотворение в прозе, посвященное ему, написанное в Оптиной пустыни летом 1923 года. Привожу его целиком: «Густые, бархатные, как раскаты грома, раздаются звуки оптинского колокола... Белые стены обители... Белые церкви... Белые келейки, приютившиеся среди фруктовых деревьев... Эта славная дорожка в скит, вековые сосны, которые так много говорят сердцу... Эта беленькая “хибарка”, где все дышит, все пропитано мыслями (С. 13) и молитвами почивших великих учителей-старцев. Как сейчас передо мной батюшка о. Нектарий, и слышится мне его тихий, как бы неземной голос: “Да, тяжело тебе. Но тут уже ничего не может сделать человек, а ты почаще говори, взывай Богу: заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию”. У меня измучена душа... Все так беспросветно и нерадостно в жизни окружающей. И так хочется здесь отдохнуть душой и чувствовать себя как бы под защитой обители. Войдешь в храм... Стройная благоговейная служба... Смирненные фигуры монахов... Истовое, за душу хватающее пение. Посмотришь на богомольцев: благообразные старички и старушки, молодые девушки — все чистые, неземные (С. 14) личики. Все молятся усердно, кладут поклоны... И хочется упасть на колени, плакать и молиться от какой-то тихой и вместе с тем сладкой грусти. Сознаешь, насколько ты хуже их всех. И хочется стать лучше, чище. Хочется стать ближе к Богу и дальше^в от суеты человеческой. Вот где настоящая жизнь! Вот где мир и тишина! Вот где настоящее счастье!

А колокол звучит и будит в душе уже другие воспоминания, и другой звон слышится мне... Я и сестра моя (теперь умершая, погибшая жертвой революции) еще дети-ученицы. В раскрытые окна нашего дома врывается веселый трезвон нашего родного Спасо-Преображенского монастыря. Боясь опоздать, мы летим (С. 15) туда, как на крыльях, и быстро занимаем обычные места. Длинная уставная всенощная идет своим порядком. Дети сами читают, ставят свечи, зажигают лампы... “Хвалите имя Господне”... Как сейчас вижу я перед собой эту громадную толпу народа, массу детей, подростков. Церковь горит, сияет от лампадок, украшающих чтимые иконы, и свечей, непрестанно ставимых богомольцами. Духовенство и народ также все с зажженными свечами. И он, наш дорогой, незабвенный пастырь, стоит

^а Далее зачеркнуто: ведь.

^б Текст вписан над строкой.

^в Слово подчеркнуто.

посреди, и все мы, от мала до велика, стремимся стать поближе к нему, сплотиться около него. И у меня, тогда еще совсем ребенка, проносится в голове: вот где Церковь Христова! Вот кто настоящий пастырь! С ним (С. 16) не страшно умереть хоть сейчас: он всех нас поведет за собой в Царство Небесное. Оглянешься вокруг: родственные сияющие лица, ликующее многоголосное победное пение псалма — поет весь народ. Поют не спешат, вкладывая всю свою душу в пение. Знаешь всех богомольцев отлично: храм, общая молитва, пение и любовь к своему духовному отцу сблизила всех. Все кажутся такими милыми и родными. На душе радость и ликование. Просить у Бога нечего... И хочется обнять весь мир. Хочется стать ближе к людям, хочется любить всех и помогать всем, хочется и всю жизнь свою провести в непрерывном делании добра людям. Вот где настоящая жизнь! Вот где радость! Вот где настоящее счастье! Оптина пустынь. Лето 1923 года».

(С. 17) Владыка с серьезным видом прочитал все и сказал: «Вот и старайся быть ближе к Богу и к людям. И вообще пиши. А сейчас возьми и держи у себя. У меня все равно пропадет при первом же обыске». Грустный он был, повторяю, какой-то замученный. Один только раз с кем-то из духовных детей владыка выбрался в лес, чтобы побыть на свежем воздухе.

Когда он на Рождество Иоанна Предтечи говорил проповедь в Ивановском монастыре, я уже обратила внимание, насколько его проповеди были глубже и серьезнее, чем в белевские времена. ^аВпрочем, и я была теперь старше^а. Он говорил о молитве и ее силе, говорил, что Иоанн Креститель ^ббыл дитя молитвы^б. Все мы знаем из Евангелия, что Иоанн был больший из всех рожденных женами, (С. 18) что он крестил Спасителя, что он был пророк, мученик, но то, что лично он сам был дитя молитвы, об этом я, да, наверное, и многие, никогда не думали. Очень меня это тогда поразило.

В июле, когда я была у него, он прямо сказал мне: «Уезжаю в Воронеж. Получил назначение. Не хочется мне ехать, и Мария Ивановна³⁵ (Дивеевская блаженная после Паши Саровской) не благословляет, но еду, чтоб не упрекнули в шкурничестве». Он передал поклон и благословение нашей семье и добавил: «А устроюсь, возьму тебя к себе в регентши». Около 15 июля [19]25 г. он уехал. Одновременно с ним поехало много священников. «На фронт», как они говорили, ибо Воронеж был тогда «весь красный». В ноябре этого же года, придя на квартиру (С. 19) Зверевых, брата вл[адыки] Петра, я неожиданно увидела самого владыку. Оказывается, он стал так популярен в Воронеже, что ему предложили на время уехать и побыть в Москве. Он пробыл в Москве до февраля 1926 года. Опять служил в разных храмах по приглашению. Когда мне удавалось его видеть, он всюду говорил мне, где предполагает служить, а после я уже узнавала от общих знакомых. Я была на его службах: у Спиридона на Спиридоновке³⁶, у Смоленской Божией Матери на Плющихе³⁷, у Трифона мученика³⁸ под Введенье, на Садовой Спасской на Рождество и последний раз в храме в Палашах³⁹ — в день празднования иконы

^{а а} Текст записан на правом поле страницы.

^{б б} Текст подчеркнут.

«Взыскание погибших». Владыка говорил о чудесах Божией Матери и спасения Ею одного семейства от волков.

За этот период я несколько раз была у него, он сам собирался к нам, но жили (С. 20) то мы на даче по Брянской (теперь Киевской) дороге, и все было так сложно, что этого свидания не получилось. Он подарил мне книжечку «Юношам об истинной мудрости» и иконочку Смоленской Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы). Только сейчас дошел до меня смысл подаренного. Один раз я была у владыки с женой моего брата Александрой Васильевной⁴⁰. В беседе с нами он ей сказал: «Семья Картавцевых моя родная». Брат мой тоже виделся с ним в это время, а мать однажды случайно встретила с ним в семье наших знакомых и пробыла целый вечер в его обществе. В разговоре с ней он сказал: «А народ-то оказался дрянь». В таких же выражениях он высказывался раньше и Илье Михайловичу. Высказывание это я считаю (С. 21) очень важным, т[ак] к[ак] вл[адыка] с молодых лет имел дело с народом, а теперь — такое разочарование.

18 февраля, в день рождения вл[адыки], я с большим кренделем^а, спеченным моею матерью, усыпанным миндалем и изюмом, поехала на Новую Басманную и узнала, что вл[адыка] отбыл в Воронеж. Со слезами приняла я эту новость, больше я уже с владыкой в жизни не разговаривала, если не^б считать того, что я видела еще раз при отправке в Соловки. Крендель был громадный, везти его было очень трудно, но замечательно, что я не оставила его у родственников, и по дороге к себе на дачу я заехала к нашим белевским друзьям Киселевым и там разделила его с ними пополам, и мы еще поговорили о владыке.

(С. 22) Наступило лето 1926 года. Я устроилась на временную работу в детский сад и зажила совсем уже другою жизнью. Устроиться на работу было очень трудно, т[ак] к[ак] было то счастливое время, когда для поступления на службу требовался профсоюз^в, а для вступления в профсоюз нужно было обязательно состоять ^гна работе^г. Но все-таки при помощи двух временных работ по 5 месяцев каждая я была проведена в профсоюз.

В семье было уже двое детей, отец начал часто болеть. Работа моя была за Рогожским кладбищем, в одном из бывших старообрядческих женских монастырей⁴¹. (Детские сады были в ведении Московско-Курской ж[елезной] д[ороги], и там было 3 сада, если не больше. Я работала сперва в д/с под названием «Красное солнышко», потом (С. 23) в «Колокольчике», и был еще сад «Красная шапочка». Все сады помещались в хорошеньких домиках — бывших монашеских кельях, окруженных яблоневыми и вишневыми деревьями. Территория монастыря была громадная: большая лужайка, и на ней величественный храм, который стоял тогда неприкосновенным, хотя службы, уж конечно, в нем не было. Работать было интересно, но трудно очень. Часто

^а Слово написано дважды, первый вариант зачеркнут.

^б Слово вписано над строкой.

^в Слово подчеркнуто.

^{г г} Текст подчеркнут.

приходилось ночевать в Москве, т[ак] к[ак] Брянская дорога была захудалая и вечерние поезда кончали свои рейсы очень рано. Я ночевала у разных знакомых, то тут то там. Виды ночевки были самые разнообразные, спала я в гардеробе, на письменном столе, на колокольне у монашек.

К владыке этим летом ездили некоторые (С. 24) его почитатели и потом рассказывали о том духовном подъеме, который царил в Воронеже, об удивительных службах и о несметном количестве народа. Я не теряла связь с Зверевыми и изредка у них бывала. В ноябре 1926 г. я узнала ужасную новость. Владыку арестовали, посадили в отдельный вагон и привезли прямо на Лубянку. Как рассказывали воронежцы, в городе делалось что-то неслыханное, и многие говорили, что, вероятно, похоже было на то, как в Иерусалиме в дни распятия и смерти Господа нашего Иисуса Христа. Весь город был на ногах^а. Толпы народа не расходились ни днем, ни ночью, особенно около дома, где владыка жил. Ничто не помогло, (С. 25) и когда пробил его час, тут его и взяли. Я как раз в это время поступила на вторую временную работу в д/сад и часто оставалась ночевать у Зверевых, когда в квартире у них собирались готовить передачу. Передачу принимали, кажется, 2 раза в неделю, а может быть, и один раз. Я повариха была плохая и все мыла посуду. Передачу делало всегда одно и то же лицо — Елизавета Михайловна Тьедер, сестра жены брата владыки Евгении Михайловны^б. Эта Елизавета Михайловна привела меня к отцу Серафиму^в.

Время летело, наступил Великий пост. Из Воронежа периодически приезжали почитатели владыки для оказания материальной помощи. Помню одну немолодую женщину из простых, но очень преданную и щедрую. Она почти постоянно жила у Зверевых. Мне сказали, что она (С. 26) в понедельник никогда ничего не ест целый день. Причина была такова: она когда-то сделала аборт, и сознание греха все время ее мучило. Она пришла к владыке и все рассказала ему. Он посоветовал ей на всю жизнь не есть ничего в понедельник ^бдо самого вечера^б, но одновременно приказал ей все рассказать духовнику и просить его благословения. Вот как мудро поступали прежние архиереи. Не такая уж строгая епитимья, но женщина эта успокоилась и была очень довольна. Действительно: «Беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну»^в (всегда)^д.

Узнали мы, что на дверях здания тогдашнего ГПУ вывешивают списки высылаемых. Потом узнали, что списки бывают по четвергам, а высылки (С. 27) по пятницам. Владыки все не было. Наконец, уже в одну из последних недель поста Елизавета Михайловна, принимая обратную бумажку с распиской получателя, усмотрела нечто новое. Обычно делалось так. В ответной записке перечислялись все полученные заключенным вещи, а внизу стояла подпись. Например, рубашек 2, полотенец 3, чулок 2, мыло 1 и т. д. А тут было так: рубашек — 2д, полотенец 3о, чулок 2с, мыло 1в. Когда она

^а Далее зачеркнуто: Особенно около дома где Вл. жил. Но ничто.

^б ^б Текст подчеркнут.

^в ^в Текст подчеркнут.

прочитала весь столбик до конца, то получилось: «До свидания». Она поняла, что его высылают. (С. 28) Хотя и говорили, что когда будут действительно высылать, то имя его появится в списках, но доверия никакого не было. Все привыкли к обманам и поэтому решили с следующей же пятницы караулить приезд владыки на Николаевском вокзале.

С пятницы 6-й недели начали мы собираться на вокзале, а отправили его лишь^а в пятницу перед Вознесеньем. Я, должно быть, не пропустила ни одной пятницы. К этому времени я была уже регентшей у о. Серафима и вместе с Елизаветой Михайловной мы путешествовали. Поезд был ночной, так что мы всегда возвращались после 12 вечера. Вот было трудно в Великую Пятницу! Вынос плащаницы, потом поездка на вокзал на несколько часов, (С. 29) позднее возвращение и затем в 2 часа ночи утренняя Великой Субботы! Но Господь давал^б на все силы.

Пребывание на вокзале было сплошное страдание. Собралось нас человек 15–20, не менее, и мы, притаившись где-нибудь по углам, наблюдали страшную картину. Без конца подъезжали «черные вороны» и потом выгружали свои жертвы. К каждой машине кто-нибудь из наших подходил и старался рассмотреть знакомое лицо. (Эти специализированные машины были разные: и совершенно закрытые «вороны», и низенькие, вроде теперешних такси, только покрупнее.) Однажды кто-то сказал: «Владыка здесь». Все бросились к машине, и я в том числе. В лице, которое было плохо видно при весьма скудном освещении, я особенного (С. 30) сходства не обнаружила. Остальные почти все были уверены, все кланялись ему, и человек отвечал поклонами. Это казалось мне очень удивительным. Долго стояли мы, потому, что, вероятно, выгружали в порядке очереди. Наконец двери открылись, и оттуда вышел здоровенный мужчина и равнодушно прошел мимо всех нас. И сходства-то никакого не было, кроме бороды.

Затем на Пасхе^в произошел необыкновенный случай, просто даже чудо. В пятницу на Пасхальной неделе собрали владыке необычайно богатую передачу. Кроме денег были и куличи, и пасхи, и пироги, и даже большие сахарные яйца. (В Москве тогда был нэп, и купить было можно все, что хочешь.) К этому времени мы уже знали, что вовсе не надо караулить (С. 31) машины на заднем дворе, а надо какими-то обходными путями выходить на платформу к поезду. Так мы и сделали. Затем мы уже знали, что поезда на Соловки отходят вовсе не так поздно, не ночью, а к вечеру. Когда мы все собрались на платформе, кто-то уже знал, что владыки опять не будет, но высылают^г отца Иннокентия¹⁴⁵. Это был архимандрит Иннокентий из Желтикова Тверского монастыря, по-видимому товарищ владыки Петра, только помоложе. У Зверевых называли его «Кешей». Когда я была в Желтикове монастыре в 1918 г., он тогда был там казначеем (вторая должность после настоятеля).

^а Слово написано дважды, первый вариант зачеркнут.

^б Далее зачеркнуто: силы.

^в Текст вписан над строкой.

^г Текст подчеркнут.

Благообразный такой, благоговейный, прекрасно читал тогда канон под праздник Успения Божией Матери. Откуда он (С. 32) теперь был взят, не знаю, может быть даже из Воронежа, где был вместе с владыкой «на фронте».

Моментально решили всю передачу отдать ему. Он был монах, следовательно, одинок, почитателей особенных у него не могло быть, и как же он, вероятно, был утешен, неожиданно увидев не какую-нибудь кучку, а целую толпу верующих, из которых, наверное, многих знал. Я видела его лицо из-за оконной решетки. Смиренный, тихий, он все время кланялся и благодарил. После я узнала, что он ехал совершенно больной (у него была язва желудка), и по приезде он окончательно слег. Медицинская сестра, рассказывая про него, говорила, что «он умирал, как ангел». Вся больница о нем плакала. (С. 33) Прошу всех, кто будет вспоминать архиепископа Петра, вспоминать^а и архимандрита Иннокентия. Он был так же священномученик...

Так прошло еще несколько недель. Появились на дверях здания ГПУ списки с фамилиями высылаемых, и в числе их был Зверев, назначение — Соловки. Указано было и число: моя Елизавета Михайловна и еще одна молоденькая девушка, якобы при ней, должны были провожать владыку до Ленинграда. Узнавши об этом, я сейчас же поехала в Катуар, где мы тогда жили, за матерью, чтобы она успела приехать в Москву к проводам. Поездов в это время дня у нас не было, и мы отправились с ней пешком на Александровскую (теперь Белорусскую) ж[елезную] д[орогу] километра за три и, конечно, поспели и ждали еще долго.

(С. 34) В этот раз мы почему-то опять были на задворках и караулили машины. Если бы мы даже не знали, что владыка сегодня будет непременно^б звероподобный военный, обнажил пашку и бросился на всех нас с криком: «Разойтись, разойтись! Если не разойдетесь, во всю дорогу не дам ему^в кипятку!». Действительно, смотрел на него как на злейшего врага. Подъехал «черный ворон», и вышел владыка в сером подряснике, в скуфеечке на голове и с тяжелой корзинкой за спиной. Он шел, не оглядываясь, вверх по каким-то ступенькам и, когда поднялся, сразу оглянулся и благословил нас широким крестом. Мы сейчас же окружным путем пошли на платформу и стали (С. 35) ждать. Подали поезд, окна, конечно, были с решетками.

Брату владыки Арсению Константиновичу дали знать заранее, и он приехал. Толпа расступилась, и он прошел прямо к окну, ^гснял шапку^г и низко поклонился. Может быть, что-нибудь и сказал ему, но вряд ли. Оконное стекло, кажется, не поднималось, а решетка, за которой стоял вл[адыка], думаю, была не менее как за 1/2 метра от окна. Отдельные лица писали записочки, и конвойные довольно любезно их передавали, получали ли ответы, уж не знаю. Хотела и я написать записочку, но просто не знала, что и написать. Мы с матерью

^а Далее зачеркнуто: также.

^б Слово вписано над строкой.

^в Слово подчеркнуто.

^г Текст вписан над строкой.

вместе подошли поближе и кланялись ему, он, несомненно, нас видел. Я все складывала руки, как подходят под благословение, но он не благословлял, а только кланялся. Потом (С. 36) я сообразила, что ему, м[ожет] быть, запретили благословлять даже, наверное, т[ак] к[ак] за спиной его стояли конвойные.

Наконец раздался свисток, и поезд медленно, исключительно медленно начал двигаться, и мы немного даже шли рядом. Когда поезд начал набирать скорость, из нашей толпы выделились 2 владыкиных иподиакона — Борис Шифрин (родственник Обуховой) и Борис Марлин. Став под самое окно, они бежали рядом с поездом и выкрикивали все церковные новости: «Митрополит Сергей на свободе, Синод зарегистрирован» — вот что я расслышала⁴⁶. Наконец поезд скрылся из вида. Так видела я владыку последний раз в жизни.

На Троицын день, когда я у себя в церкви подходила к кресту, о. Серафим тихо (С. 37) мне сказал: «Вы слышали?» И на мой отрицательный ответ сказал: «Елизавету Михайловну арестовали». Через несколько дней ее и выслали, в Сибирь, кажется. Девушку, сопровождавшую ее, не тронули, очевидно, не стали связываться с девчонкой. Елиз[авета] Мих[айловна] через несколько лет возвратилась, но совершенно надломленной, т[ак] к[ак] до этого еще раньше сидела в тюрьме. До 1955 г. я с ней изредка встречалась и жалею, что редко встречалась. А потом она умерла. Она была для меня очень хорошая и вообще хороший человек. Она мне рассказывала, что однажды, молясь дома и стоя перед аналоем, она ясно увидела около себя стоящего владыку, который сказал ей: «А ты молишься ли за всех расстрелянных, убитых, удушенных, утопленных, сожженных и пр.?» «И с тех пор я стала всегда молиться», — добавила она.

(С. 38) Пробыл владыка в Соловках с мая 1927 года по январь 1929, т. е. год и 8 мес[яцев] приблизительно. Там было в то время очень много духовенства, причем почти одни архиереи. Тогда в монастыре все храмы еще были открыты и «гуманно» разрешали духовенству служить. Был сделан даже «показательный» кинофильм, в котором были представлены храмы во время богослужения и служащие архиереи и священники. Одна особа мне с восторгом говорила, что видела этот фильм в Москве и узнала служащего владыку Петра. Я ему в Соловки не писала, но некоторые писали и ответы получали. Одна духовная дочь владыки, очень ему преданная, писала ему, я ее встречала у Зверевых. Однажды она мне говорит: «Вам вл[адыка] кланяется и шлет благословение». Потом еще раз. (С. 39) Как-то она говорит мне: «Что, Вы снитесь ему, что ли? Опять Вам привет». Наконец она мне в последний раз прочитала: «Вл[адыка] пишет: “Божие благословение Ирине, ее родителям, брату, невестке и их детям”». Как будто он прощался с нами.

Вероятно, это происходило осенью 1928 года. А потом прекратились всякие сведения о нем вообще. Евгения Михайловна — жена брата, имевшая знакомых в Синоде, часто ходила туда узнавать, но безрезультатно. В ее рассказах постоянно фигурировали имена Симанского, будущего Патр[иарха] Алексия, и Питирима⁴⁷. Однажды она спросила Питирима: «Скажите, м[ожет] быть, вл[адыка] Петр уже умер?» «Очень может быть, очень может быть», — отвечал тот совершенно равнодушно.

Чем бы кончилось все дело, неизвестно, но (С. 40) помогли узнать о смерти владыки не москвичи, а старые его друзья — белевцы. Мы написали в Белев одной нашей знакомой художнице (владыкиной почитательнице), а та в свою очередь запросила телеграммой дочь еще одной почитательницы, которая жила тогда в Кеми (близ Соловецких островов) и видела иногда вл[адыку], и через нее даже кое-что пересылали из Белева. Скоро мы получили телеграмму: «Владыка скончался 26 января (ст. ст.)» Это был день памяти Ксенофонта и Марии⁴⁸. Мы с матерью в этот же день вечером поехали к Зверевым и отвезли им печальную телеграмму. На другой день родственники и много почитателей служили большую панихиду в церкви Георгия на Дмитровке, где настоятелем был о. Александр, двоюродный брат владыки. (С. 41) (Впоследствии он был епископом, где — не знаю. Он, по-видимому, был в дружеских отношениях с о. Владимиром⁴⁹.) Официально какого-нибудь поминовения со стороны Синода, по-моему, не было никакого. То было ⁶время полного развала⁶. Мы лично служили панихиды и на Солянке, где я пела⁴⁹, и в Шереметевской церкви, где священником был о. Владимир К.⁵⁰

Подробности о смерти вл[адыки] дошли до нас такие. В Соловках, как и в Воронеже, и всюду, вл[адыка] стал необыкновенно популярен. И там к нему все время ходил народ. Его отправили «на тиф» на Анзерские острова, где он вскоре заболел и умер. Похоронили его без всяких почестей в общей могиле. Заведующий местным лагерем татарин был в эти дни в отсутствии. Когда он через два дня приехал, то пришел в страшное возмущение: «Как, самого (С. 42) главного попа да вдруг так просто похоронили?» Он приказал вырыть вл[адыку] из могилы, одеть в архиерейское облачение (м[ожет] б[ыть], даже отпевали, это неизвестно) и вновь похоронить в отдельной могиле. Прошло несколько времени, и на могилу владыки стал ходить народ, и тогда (наверное, новое начальство) приказало сравнять могилу с землей. Как будто все закончено было с вл[адыкой] Петром, но тем не менее, хотя изредка, выплывает какая-то связь с ним.

Когда родственники вл[адыки] разбирали его вещи, то всем давали что-нибудь на память. В октябре этого же года брата моего арестовали, а затем выслали. Трое его детей остались без всяких средств. Даже я не работала, что вовсе не было удивительным в то время. Продавали вещи, и положение (С. 43) было очень тяжелое. Зверева Евгения Михайловна, зная наше положение, дает мне однажды серебряный крест малого формата, который употребляется на молебнах, и говорит: «Вот крест владыки, его можно будет продать, все-таки что-нибудь будет детям». И какое странное совпадение: в эти же дни случилась покража в Шереметевской церкви. Были украдены некоторые⁸ церковные вещи и в том числе крест. О. Владимир К., когда я ему все рассказала, выразил пожелание приобрести этот крест. Помню, как я, завер-

⁴⁸ Далее зачеркнута буква: В.

^{6 6} Текст подчеркнут.

⁸ Далее зачеркнуто: вещи.

нув крест в чистую салфетку, на груди несла его под пальто в церковь. О. Владимир не знал вл[адыку] Петра, но много об нем слышал и расспрашивал о нем. После он всегда его поминал. Дал он мне, кажется, 40 рублей, и это тогда были деньги. Дивны дела Твоя, Господи! (С. 44) Потом мне дали еще владыкину икону Божией Матери «Неопалимой Купины». Она и сейчас у меня. Есть еще у меня поруч с одной руки владыки.

В 1934 году, когда брата отправляли из Смоленска через Москву в Караганду, нам удалось видеть его на Белорусском вокзале, за решеткой, конечно. Конвойные не препятствовали нам разговаривать, и мы сообщили друг другу^а многое. Мать рассказала И[лье] М[ихайловичу] о том, что она видела во сне вл[адыку] Петра, который дал ей в руки образ и сказал: «Я хотел Вам дать ангела-хранителя для Илюши». При этих словах у И[льи] М[ихайловича] глаза наполнились слезами, и он, почти плача, сказал: «Я тоже его видел, тоже его видел».

Через несколько лет я видела странный сон, в котором фигурировал вл[адыка] Петр, (С. 45) хотя я тогда о нем совсем мало думала. Представлялось мне, что я в каком-то большом храме, но совершенно пустом, без всяких украшений. Издали доносится пение «Христос воскрес из мертвых». Вдруг чей-то голос откуда-то издалека говорит мне: «Приходите все ко мне Пасху встречать». Я думаю, кто же это говорит? И одновременно как бы выплывает издали портрет вл[адыки] Петра, весь украшенный разноцветными огоньками, как украшают иконы. Я, вспомнив о том, что у брата нелады с женой, говорю: «А Илюша в ссоре с своей женой». Владыка же отвечает: «А мы ему пропоем: “И ненавидящим нас простим вся воскресением”». После я писала об этом И[лье] М[ихайловичу] в ссылку. Хоть и не пришлось И[лье] М[ихайловичу] возобновить жизнь с женой, но все же они увиделись впоследствии и И[лья] М[ихайлович] ей сказал, что никаких^б претензий к ней не имеет. Все-таки и это хорошо.

(С. 46) В 1950 г. Илья Михайлович первый раз приехал к нам. Он был официально свободен, но «под директивой» и в Москву ему приезжать было нельзя. Он взял билет до Саратова и проездом был у нас несколько дней. Несчастный, оборванный пришел он к нам. Мы первым делом помолились перед образами, потом обнялись и сели за стол. Первые слова его были: «А сейчас я расскажу вам тот сон». И весь в слезах он начал рассказывать, плакали, конечно, и мы с матерью. Он видел наше деревенское кладбище⁵¹ с часовней во имя апостола Иоанна Богослова (когда-то там был во имя этого же апостола храм, а по упразднении его поставили часовню). Он видел нашего прадеда Илью Петровича К.⁵², похороненного там, видел дедушку^в с бабушкой^в, отца, мать^г, убиенную^д сестру Верочку и всех убитых вместе с нею, всех

^а Слово написано дважды, первый вариант зачеркнут.

^б Последняя часть слова зачеркнута и вписано над строкой: как их.

^{в в} Текст вписан над строкой.

^г Далее зачеркнуто: убитую.

^д Слово вписано над строкой.

наших тетушек и дядей. В общем, он видел весь наш род восставшим. ^аИ служил владыка Петр^а. Была закладка или освящение нового храма. Значит, удивительный был сон, что брат после долгой разлуки рассказал его в первую очередь.

Когда в 1957 году И[лью] М[ихайловича] реабилитировали и он^б возвратился в Москву, к нему пришел в первый раз новый наш знакомый В. А. К-ов. Они беседовали на исторические темы за письменным столом, и вдруг И[лья] М[ихайлович] меня зовет и говорит: «Представь, В. А., оказывается, знал владыку Петра в Соловках». В. А. рассказал следующее. Когда вл[адыка] Петр умирал на Анзерских островах от тифа, захотели его причастить, но, очевидно, там церкви не было. Тогда один заключенный (С. 48) мрянин Г. О[сорг]ин^в вызвался это сделать ^и и привезти Св. Дары^в. Анзерские острова отделяются от Соловецкого монастыря проливом в 6^г километров, и в январе сообщения не бывает. Многие отговаривали О[сорги]на, указывая на то, что владыка все равно без сознания и не стоит зря подвергать себя опасности. Но О[сорг]ин все же в лодке среди льдин и воды приехал благополучно к Анзерск[им] островам. Владыка на самый короткий момент пришел в сознание, принял Св. Дары и тотчас же скончался. Осоргин вскоре был расстрелян, но не в связи с этой поездкой. В это время жена его ожидала ребенка, и у нее родилась девочка. Недавно я узнала, что все они за границей и от девочки произошло большое потомство.

И на этом не заканчивается рассказ о вл[адыке]. (С. 49) По словам родственников, владыка пристал к «сергианцам», как говорили тогда, или к «сериговцам»^д, как говорят теперь. Я хотя и не верила этому, но все же, не зная ничего наверное, сомневалась в нем, что очень меня огорчало. И совсем недавно, в 1970 г., были найдены документы, повествующие о том, как во время долгого сидения в ГПУ и лишенный всякой информации, вл[адыка] был не^л в курсе дела. Его оклеветали, чуждались его, и он ничего сперва ^ене мог^е понять. Как только он разобрался сам и, очевидно, высказался по этому поводу, его сейчас же и отправили на Анзерские острова. Имеются два письма: первое, выражающее радость одного священника по поводу того, что владыка оказался «наш», а второе письмо самого вл[адыки], где он с грустью и с большим смирением сетует на то, что он (С. 50) оклеветан, и уверяет, что он остался православным, каким и был всегда. Я лично, читая это письмо, сейчас же узнала стиль вл[адыки]^д.

В течение своей жизни вл[адыка] бывал в Дивееве, и его очень любила Паша Саровская, знаменитая блаженная юродивая. «Ты наш Никольский», — говорила она. Выражение «Никольский» означало, что человек очень хороший,

^{а а} В рукописи текст подчеркнут.

^б Зачеркнуто.

^{в в} Текст вписан над строкой.

^г Цифра зачеркнута.

^л Далее зачеркнуто: в ку.

^{е е} Текст вписан над строкой.

близкий. В последний раз, говорят, она ему сказала так: «Ты, Никольский (потом следовал какой-то город, м[ожет] быть, и Воронеж), Ты — Киевский, и там тебе 12 угодников пещеру приготовят». Я потом размышляла: не Соловки ли она называла как бы новым Киевом? А насчет угодников можно сказать — там сплошь теперь одни угодники, весь остров на крови и костях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду щмч. Петр (Зверев), имевший в то время сан иеромонаха.
- ² Шредер Анна Александровна, начальница Белевского женского епархиального училища в 1909 г. // Тульские епархиальные ведомости. 1909. № 39. Часть официальная. С. 476.
- ³ Белевский Спасо-Преображенский мужской монастырь основан в 1-й четверти XVI в., закрыт по постановлению Тульского губисполкома от 7 сентября 1921 г.
- ⁴ Вера Михайловна Картавцева (29 мая 1901 г.— 21 января 1920 г.) Убита в деревне Сухая Рыльского уезда Курской губернии вместе с семьей Зинаиды Сергеевны Правиковой — тети сестер Картавцевых.
- ⁵ Михаил Николаевич Картавцев (11 сентября 1867 г.— 10 августа 1928 г.). Учился в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, который окончил в 1894 г. Служил судебным следователем Ефремовского уезда, с 1903 г. городской судья г. Белева (*Чернопятов В. И.* Род. Картавцевых М., 1915]. С. 6).
- ⁶ Начальницей женской гимназии в Белеве в 1909–1910 гг. была Наталья Павловна Мешкова (Памятная книжка Тульской губернии за 1910 г. Отд. 2. Тула, 1910. С. 123). В 1908–1909 гг. в Белеве существовала женская прогимназия, начальницей которой была Елена Ипполитовна Малыгина (Памятная книжка Тульской губернии за 1909 г. Отд. 2. Тула, 1909. С. 128). Таким образом, фамилия начальницы гимназии, указанная в воспоминаниях, ошибочна.
- ⁷ Училище благочестия. СПб., 1903.
- ⁸ Илья Михайлович Картавцев (14 июля 1895 г.— 31 декабря 1971 г.), библиограф, генеалог, краевед, был членом Тульской ученой архивной комиссии, Историко-родословного общества в Москве, Русского библиографического общества при Московском университете. В 1920-х гг. работал в центральной Книжной палате. Первый редактор издания «Летопись журнальных статей». Участвовал в работе Общества изучения русской усадьбы. В 1928 г. арестован, длительное время находился в лагерях и ссылке, реабилитирован в 1956 г. Из его работ наиболее известна: *Картавцев И. М.* Усадьбы Московской губернии: Опыт библиографического указателя. М., 1927.
- ⁹ *Миртов П. А., прот.* По завету Христову. СПб., 1905. Петр Алексеевич Миртов (род. 1871 г.), писатель, протоиерей, выпускник Киевской Духовной академии, редактор журналов «Отдых христианина», «Трезвая жизнь» и «Воскресный благовест».
- ¹⁰ Чудеса Божии в наши дни. СПб., 1908.
- ¹¹ «Троицкое слово» — еженедельный религиозно-нравственный и церковно-общественный журнал, издавался с 1910 г. в Сергиевом Посаде Московской губернии, редактор Никон (Рождественский), епископ Вологодский и Тотемский.
- ¹² Сведения о Никоне (Рождественском), епископе Вологодском и Тотемском († 30 декабря 1918 г.), указанные в воспоминаниях, не точны. Он скончался на покое в Троице-Сергиевой лавре.
- ¹³ Анна Сергеевна Картавцева, урожденная Минаева († 9 марта 1956 г.).
- ¹⁴ С 15 февраля 1908 г. епископом Тульским и Белевским был Парфений (Левицкий; 28 сентября 1858 г.— 1921 г.), с 23 апреля 1917 г. архиепископ. 25 мая 1917 г. уволен на покой с пребыванием в Ахтырском монастыре Харьковской епархии (История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2006. С. 501, 502).

- ¹⁵ Лев Николаевич Толстой (1828–1910 гг.), граф, выдающийся русский писатель.
- ¹⁶ Илиодор (Труфанов; 1880 г. — после 1914 г.), иеромонах. С 1905 г. член «Союза русского народа», поддерживал связь с Г. Е. Распутиным, затем боролся против него. В 1912 г. сослан во Флорищеву пустынь Владимирской губернии, сложил с себя сан и объявил о разрыве с Русской Православной Церковью. Впоследствии основал в станице Марининской (область Войска Донского) сектантскую общину «Новая Галилея», с 1914 г. в эмиграции.
- ¹⁷ Буддийский храм (Приморский проспект, 91) построен для нужд открытой в Санкт-Петербурге в 1901 г. миссии далай-ламы Тибета и буддийской общины города (Санкт-Петербург. Энциклопедия. Изд. 2. СПб.; М., 2006. С. 116; Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Справочник. СПб., 2005. С. 619).
- ¹⁸ Константин Михайлович Сомов (1848–1910-е гг.), брат бабушки мемуаристки Веры Михайловны Картавцевой, урожденной Сомовой.
- ¹⁹ Казанская Свято-Амвросиевская женская пустынь в Шамордине Перемышльского уезда Калужской губернии. Основана в 1884 г. по благословению прп. Амвросия Оптинского в 12 км от Оптиной пустыни, в 20 верстах от уездного города на реке Выссе. Закрыта в начале 1920-х гг., возобновлена в 1990 г. Оптина Введенская пустынь, близ города Козельска Калужской губернии, основана в XV в. или ранее, упразднена в 1724 г., восстановлена в 1726 г., закрыта в 1918 г., восстановлена в 1987 г.; в XIX в. являлась центром особой практики духовного наставничества в Русской Церкви — старчества.
- ²⁰ Станислав (Антон) Ильич Раковский, в 1909–1910 гг. белевский уездный врач (Памятная книжка Тульской губернии на 1909 г. Отд. 2. Тула, 1909. С. 128, 129; Памятная книжка Тульской губернии на 1910 г. Отд. 2. С. 123, 124).
- ²¹ Станция Веженка в начале XX в. Рязанско-Уральской железной дороги по направлению Смоленск–Богоявленск. В настоящее время разъезд в Белевском районе Тульской области.
- ²² В октябре 1916 г. Святейший Синод постановил послать архимандрита Петра для миссионерской службы в Северо-Американскую епархию, но поездка не состоялась. О. Петр был направлен на фронт проповедником, где пробыл до Февральской революции 1917 г., затем приехал в Москву, в Белев он не вернулся.
- ²³ Евдоким (Мещерский; 1 апреля 1869 г. — 22 октября 1935 г.), с 1 августа 1909 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии, в 1912 г. временно управлял Тульской епархией, с 29 июля 1914 г. архиепископ Алеутский и Северо-Американский, с 1918 г. архиепископ Нижегородский, 16 августа 1922 г. уклонился в обновленчество (Обновленческий раскол. М., 2002. С. 746–750; История иерархии Русской Православной Церкви. С. 501, 502).
- ²⁴ Макариева Жабынская Введенская пустынь, в 7 верстах от Белева, основана в 1585 г., закрыта 7 сентября 1921 г., возобновлена в 1991 г.
- ²⁵ Георгий Иванович Шавельский (1871–1951 гг.), с 1911 г. протопресвитер Русской армии и флота. На Поместном соборе 1917–1918 гг. выдвигался кандидатом в Патриархи. Принимал участие в Белом движении.
- ²⁶ Домбровица, местечко Ровенского уезда Волынской губернии, при реке Горьни.
- ²⁷ Желтиков Успенский мужской монастырь располагался в 4 верстах к западу от Твери на левом берегу реки Тьмаки, основан в 1394 г. свт. Арсением, епископом Тверским, закрыт в начале 1920-х гг.
- ²⁸ Хиротонию архимандрита Петра во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, 15 февраля 1919 г. возглавил Патриарх Московский и всея России св. Тихон.
- ²⁹ В воспоминаниях неточность, город переименован в Ленинград в 1924 г.
- ³⁰ Убиты 21 января 1920 г. в деревне Сухая Рыльского уезда Курской губернии.
- ³¹ Нектарий (Тихонов; 1853–1928 гг.), прп., с 1873 г. в Оптиной пустыни, 14 марта 1887 г. пострижен в мантию, 19 января 1894 г. рукоположен во диакона, через 4 года во иерея. Имел многочисленных духовных чад, для которых был старцем. После

закрытия монастыря арестован, затем жил в селе Холмищи, где и скончался. 16 июля 1989 г. состоялось обретение мощей прип. Нектария, которые в настоящее время почивают в раке в западной части Амвросиевского придела Введенского собора Оптиной пустыни.

- ³² Село Холмищи (Холмицы) Жиздринского уезда Калужской губернии.
- ³³ Арсений Константинович Зверев.
- ³⁴ Анна Ильинична Картавцева (род. 3 июля 1925 г.).
- ³⁵ Мария Ивановна (Федина; † 1931 г.), св., Христа ради юродивая.
- ³⁶ Церковь во имя свт. Спиридона Тримифунтского находилась на углу Спиридоньевской улицы и Большого Спиридоньевского переулка, храм не сохранился.
- ³⁷ Церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери на Плющихе, храм не сохранился.
- ³⁸ Церковь во имя мч. Трифона Апамейского, что в московской Напрудной слободе.
- ³⁹ Церковь Рождества Христова, что в Палашах, разрушена во 2-й половине 1930-х гг.
- ⁴⁰ Александра Васильевна Картавцева, урожденная Рождественская (род. 1900 г.).
- ⁴¹ Мемуаристка не совсем точно указывает на Всехсвятский единоверческий женский монастырь за Рогожской заставой. Монастырь был основан в 1862 г., закрыт в 1922 г. К 1924 г. на месте монастыря возник рабочий поселок имени Ильича (Сорок сороков. Т. 1. М., 2004. С. 402–406).
- ⁴² Елизавета Михайловна Тьедер (род. 1885 г.), арестована 23 апреля 1932 г., приговор — 3 года высылки, в это время проживала во Владимире и работала счетоводом.
- ⁴³ Серафим (Битюков; 1880 г.— 19 февраля 1942 г.), настоятель храма святых мучеников Кира и Иоанна на Солянке, впоследствии архимандрит. В 1927 г. отверг «Декларацию» митрополита Сергия (Страгородского) и стал одним из ведущих деятелей «катакомбного движения». Вплоть до кончины архимандрита Серафима И. М. Картавцева поддерживала с ним духовное общение.
- ⁴⁴ Псалом 50, ст. 5.
- ⁴⁵ Иннокентий (Беда; 1881 г.— 6 января 1928 г.), преподобномученик. В 1908 г. пострижен в монашество, рукоположен во диакона, затем во иерея. В начале Первой мировой войны переехал в Тверь, где познакомился с епископом Петром (Зверевым) и стал его келейником, после ареста епископа Петра в 1923 г. вернулся на родину, позднее переехал в Москву и после назначения архиепископа Петра на Воронежскую кафедру уехал вместе с ним в Воронеж. Арестован по делу владыки 17 декабря 1926 г. Воронежским ОГПУ, приговорен к 3 годам заключения, скончался в заключении. Причислен к лику святых на юбилейном Архиерейском Соборе 13–20 августа 2000 г.
- ⁴⁶ В начале декабря 1926 г. был арестован Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Нижегородский митрополит Сергей (Страгородский), предпринимавший в 1926 г. активные меры для объединения и легализации в Советском государстве Патриаршей («тихоновской») Церкви. Митрополит Сергей был обвинен в «незаконном сборе» мнений архиереев о возможной кандидатуре Патриарха, в поддержке «незаконной» переписки с заграничным духовенством. Арестованному Первоиерарху ОГПУ предложило вступить в переговоры об условиях легализации высшего церковного управления и некоторой стабилизации церковно-государственных отношений. В тяжелейших для Церкви обстоятельствах, когда она испытывала жесткое давление со стороны властей и главарей обновленческого и григорианского расколов, митрополит Сергей согласился на ряд требований ОГПУ в обмен на согласие легализовать органы высшего и епархиального управления Патриаршей Церкви. 20 мая 1927 г. митрополит Сергей как исполняющий обязанности Местоблюстителя Патриаршего престола и Временный при нем Патриарший Священный Синод были зарегистрированы органами НКВД.
- ⁴⁷ Алексей (Симанский; 27 октября 1877 г.— 17 апреля 1970 г.), с 1926 г. архиепископ Новгородский, с 1932 г. митрополит, член Священного Синода и ближайший

помощник митрополита Сергия (Страгородского), со 2 февраля 1945 г. Патриарх Московский и всея Руси. Питирим (Крылов; 26 февраля 1895 г.— конец августа 1937 г.) в 1928–1931 гг. последовательно епископ Волоколамский, Шуйский, Орехово-Зуевский, управляющий делами Синода.

⁴⁸ Известны более точная дата смерти архиепископа Петра — 7 февраля 1929 г., обстоятельства его погребения и обретения мощей. См.: *Дамаскин (Орловский), игум. Житие сщмч. Петра (Зверева)*. Тверь, 2001.

⁴⁹ Церковь св. мучеников Кира и Иоанна на Солянке в Москве (*Козлов В. Ф.* Сербское подворье в Москве // *Московский журнал*. 1999. № 5. С. 53–57).

⁵⁰ Церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Шереметевском переулке в Москве, настоятелем которой в 1924–1930 гг. был о. Владимир Криволицкий (25 ноября 1888 г. — 29 марта 1956 г.).

⁵¹ При деревне Выковка Одоевского уезда Тульской губернии.

⁵² Илья Петрович Картавец (20 июля 1801 г.— январь 1857 г.).

⁵³ Георгий Михайлович Осоргин († 1929 г.), заключенный Соловецкого лагеря особого назначения.

⁵⁴ Члены «катакомбной церкви» так называли тех, кто после 1927 г. сохранил верность Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию.

⁵⁵ Какие-либо документы, свидетельствующие о том, что архиепископ Петр отделился от митрополита Сергия, неизвестны; в архиве И. М. Картавцевой упоминаемые ею письма отсутствуют. Сщмч. Петр находился в Соловецком лагере в тот период, когда заключенные там епископы составили записку, в которой говорилось о том, что они не могут «принять и одобрить... в целом» Декларацию 1927 г., подписанную митрополитом Сергием и членами Временного Синода. Однако в своих письмах из Соловецкого лагеря архиепископ Петр не писал ни об обсуждении Декларации духовенством на Соловках, ни о своей позиции в вопросе о высшем церковном управлении (см. *Дамаскин (Орловский), игум. Указ. соч.*).